

БИБЛЕЙСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОЭТОВ БЕЛОЙ СТОЛИЦЫ 1918–1919 ГГ.

Разрушительная сила Гражданской войны, как это ни парадоксально, стала созидательным толчком для творчества многих поэтов и прозаиков и своим кровавым отблеском осветила их литературную стезю. Примечателен факт, что большинство из тех, кто взялся за перо, до начала военных событий в России профессиональными писателями не были. Но судьба гибнущей империи трагическим аккордом зазвучала со страниц произведений офицеров, чиновников, ученых, мелких служащих, представителей духовенства и явилась своеобразной летописью времени, отразившей страхи, надежды, отчаяние, сожаления, горькие размышления тех, кто явился невольным свидетелем агонии целой страны. Тектонические разломы как российской государственности, так и привычного повседневного уклада воспринимались с нотами апокалипсической обреченнос-

ти и отображались в творчестве посредством библейских аналогий. В данном контексте примечательно опубликованное 2 ноября 1918 г. в газете «Заря» стихотворение «На Голгофе» Г. Дружинина, вобравшее в себя характерные черты новозаветной мифологемы:

Ты на Голгофе, Русь моя!
Целует смерть твои ресницы,
Твои библейские страницы
Темнеют в книге Бытия... [10]

Образ осквернённой, мученически распятой на кресте Руси, стал лейтмотивом произведений ряда авторов: В. Язвицкого «Россия» (В ряды ликующих друзей / Одна в тоске придёшь ты с крестной муки / И молча раны от гвоздей / Покажешь им, свои простерши руки...) [18], «О, Русь великая!» (О, Русь великая! Твоя Голгофа длится, / И из-за риз твоих идет постыдный торг...) [19]; Г. Вяткина «Усталому» (Эти горькие раны – святы, / И лучами лазурной весны / Улыбается им Распятый / Из далёкой своей страны...) [8], «Любовь распяли на кресте...» (И у тебя, мой край родной, / Свой тяжкий крест, своя Голгофа...) [7, с. 95]; А.Ю. Б-да «В дни печали» (Тогда Христос, Творец вселенной, / В венце терновом к нам нисходит, / За тех, кто в тьме неверья бродит, / Скорбит в молитве сокровенной...) [2].

В стихотворении В. Ракиной «России» символически воедино сливаются российский флаг и терновый венец, преобразуясь в пасхальный венок – символ воскрешения: «Белых ландышей нежность срываю. / Георгинов пурпурность скрываю / В тайне тёмных фиалок / И пышности роз...» [15]. Стоит отметить, это одно из немногих произведений, где красный цвет не выступает в отрицательном ключе.

Для сравнения приведём строки из текстов других авторов: «Кругом отрезаны пути, / Померкли красные созвездья... / О, Ленин, Ленин! Не уйти / Тебе от должного возмездья...» (И. Скрыпченко «Возмездие») [17]; «Красный демон, умираешь? / Не осилить – изнемог? / О победе не мечтаешь, / Посмотри – идет Восток!» (Л. Рутковский «Красному демону (Ленину)») [16]; «И всех, не принявших советскую власть, / Швырнуть в ненасытную красную пасть»

(Гейне из Омска «Песнь о вещем Совнаркоме (из альбома пародий)» [9]; «Эх, ты сельская Русь! / В красных масках поползут / По полям твоим гадины чёрные, / И во имя свободы и мира зовут / На разбой, на погромы позорные» (Г. Вяткин «В красных масках») [6]; «Красное знамя, кровавое знамя / Вьется над городом нашим родным...», «В красные руки, кровавые руки / Руки безжалостно злых палачей» (П. К. К беженцам) [14]. Заметим, что красный цвет в христианской символике не имеет отрицательного значения: красный – цвет жертвенности, образ души Господней («ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его» [5]), это цвет мученичества и страстей Господних, торжества справедливости и победы над злом.

К ветхозаветным библейским образам обращались сразу несколько поэтов Белой столицы. Например, обыгрывалась мифологема братской распри Каина и Авеля, с которой отождествлялась Гражданская война в России: «Встаёт со злобой брат на брата» (Б-д А. Ю. «В дни печали») [2]; «Восстает на брата брат» (И. Милютин, «Чист и ясен свод небесный...») [13].

Яркий библейский образ изгнанного из рая Адама создан А. Болховским:

...Как сон текли часы блаженства,
Но вот свершилось, – змий сказал...
Душа взыскала совершенства
И рай стал тесен мне и мал...
С тех пор поссорился я с Богом!.. [3]

Первый человек в интерпретации А. Болховского имеет черты россиянина, потерявшего в результате революции 1917 г. дом и родину, которые в стихотворении ассоциируются со «светлым миром», «райским сном»; эта драматическая нота основным мотивом проходит и в произведении «Тогда и ныне»: «тот мир, где пало все...», «где в храм моей молитвы ворвавшейся толпой внесен базарный гвалт», «растоптаны цветы – их нет, они в грязи!» [4].

Из библейских персонажей Нового Завета на страницах произведений поэтов Белой столицы мы также можем увидеть Понтия Пилата в стихотворении В. Язвицкого «Россия», Деву Марию – в стихотворениях Г. Рязжского. Отдельно стоит выделить

фигуру Иуды Искариота, о котором упоминают Никто-Не (стихотворение «Страдал ли кто...»), Н. Охотин («Из песен изгнанника»), И. Н. Скрыпченко («Возмездие»), Фотиев Ниф («Приказ Троцкого»), Конек-Горбунок («Красная кашлица»). В произведении последнего проглядывают остросатирические ноты, классический образ предателя дополняют черты представителя партии, захватившей власть в стране («комиссар ты наш, батюшка, / Большевик, свет Иудович») [12]; причем, указывается также источник получения пресловутых тридцати сребреников (в данном конкретном тексте – «красная большевистская кашлица»): «А где ты изволил крупы достать? / Из Германии, матушка, из Германии / У Вильгельма, сударыня, большеусого» [12].

В стихотворении А. Ачаира «Корабль судьбы» присутствует мифологема ветхозаветного Ноева ковчега, допустившего на борт свой «от разных классов, школ и колыбелей» и плывущего «в далекий новый путь» – «Мы входим в общество, как в новый, жуткий храм, / Где молятся дотоль неведомым богам» [1].

Библейские аналогии также имеют место в творчестве Г. Вяткина («Огненный столп»), Земляка («Всемирный потоп»), В. Язвицкого («Страшный суд»). С точки зрения отображения общественного мнения посредством художественного текста информативно стихотворение Земляка «Грязь», в котором наступившая новая эпоха революционных изменений в России отождествляется с мерзостью, грязью, бедой. При этом автор выражает надежду на временный, краткосрочный («недели не пройдет», «промчатся времена») характер неблагоприятных перемен, которые вскоре неизбежно будут смыты «могучей народной волной» [11]. Следует отметить, что большинство упомянутых нами авторов придерживались точки зрения, что выпавшие на долю России испытания, как бы велики они ни были, скоро закончатся, и страна воскреснет.

Пожалуй, тема Воскресения Христова – одна из ключевых в рассматриваемых нами литературных произведениях. К ней обращались очень многие поэты: Г. Вяткин, А. В-В, А. Булдеев, А. Веховский, Н. Охотина, В. Ракина и др. Примечательно, что рекордное количество стихотворений на данную тематику было написано в канун празднования Пасхи или сразу же после него. Для поэтов Белой

столицы тема Воскресения имеет не просто отсыл к известному библейскому сюжету. Это вера и надежда на возрождение России, на избавление от гнета красных временщиков, сеявших разруху и смерть. Воскресший Иисус – это еще и психологическая попытка преодоления персонального страха перед бесперспективностью завтрашнего дня, попытка избавиться от личного ощущения невыносимости существования в мире хаоса и насилия, в котором были вынуждены жить поэты. Только Голгофа – это тупик и отчаяние. Воскресение же дает право на чудо и тем самым позволяет одержать победу над страхом перед смертью, а для живших в ту кровавую эпоху – своеобразная соломинка посреди бушующих штормовых волн, за которую цеплялись из последних сил, единственная надежда на восстановление нормальной жизни.

Публиковавшиеся на страницах периодической печати Белой столицы стихотворные произведения, рассмотренные в качестве исторического источника в настоящей статье, специфичны в силу свое ярко выраженной субъективности. Но они прекрасно дополняют материалы мемуарного характера, поскольку отражают основные страхи и надежды творческой интеллигенции и социальных слоев, имевших отношение к творчеству. Отметим, что в вышеупомянутых произведениях нет рефлексии и сомнений: на чью сторону встать? бежать, спасая жизнь, или остаться и погибнуть? Лирические герои и, думается, также их создатели были преисполнены желанием идти до конца, победить врага или погибнуть вместе с умирающей Россией, что, впрочем, нашло воплощение: исход очень многих упомянутых нами поэтов был трагическим и в тоже время типичным для судеб представителей творческой интеллигенции, жившей в эпоху революционных перемен.

-
1. *Ачаир А.* Корабль судьбы // *Наша Заря*. – 1919. – 4 апр.
  2. *Б-д А. Ю.* В дни печали // *Русская армия*. – 1919. – 16 июля. – № 149. – С. 4.
  3. *Болховский А.* Адам // *Русская армия*. – 1919. – 20 июн.
  4. *Болховский А.* Тогда и ныне // *Русская армия*. – 1919. – 20 июл.
  5. *Ветхий Завет.* Лев. 17:14. – URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/lev/17/> (дата обращения: 17.05.2018).

6. *Вяткин Г.* В красных масках // *Наша газета.* – 1919. – 25 сент.
7. *Вяткин Г.* Любовь распяли на кресте // *Поэзия Белой столицы: стихи поэтов Омска 1918–1919.* – Тобольск, 2016. – С. 95.
8. *Вяткин Г.* Усталому // *Отечество.* – 1919. – № 2–3.
9. *Гейне из Омска.* Песнь о вещем Совнаркоме (из альбома пародий) // *Единая Россия.* -- 1919. – № 1.
10. *Дружинин Г.* На Голгофе // *Заря.* – 1918. – 2 нояб.
11. *Земляк.* Грязь // *Наша газета.* – 1919. – 8 окт.
12. *Конек-Горбунок.* Красная каша // *Наша газета.* – 1919. – 23 сент.
13. *Милютин И.* Чист и ясен свод небесный... // *Заря.* – 1919. – 9 нояб.
14. *П. К.* К беженцам // *Наша Заря.* – 1919. – 24 авг.
15. *Ракина В.* России // *Наша Заря.* – 1919. – 22 апр.
16. *Рутковский Л.* Красному демону (Ленину) // *Русская армия.* – 1919.
17. *Скрыпченко И. Н.* 1919-й год // *Русская армия.* – 1919. – 22 апр.
18. *Язвицкий В.* Россия // *Наша Заря.* – 1918. – 26 янв.
19. *Язвицкий В.* Россия // *Наша Заря.* – 1919. – 29 июн.